

ЕЩЕ РАЗ О «ЧУВСТВЕННО-СВЕРХЧУВСТВЕННОЙ ПРЕДМЕТНОСТИ» – В ЭКОНОМИКЕ И НЕ ТОЛЬКО

1867 год: рождение термина «сверхчувственная предметность»?

В 1993 году мне уже доводилось публиковать статью, посвященную теме «чувственно-сверхчувственная предметность»ⁱ. Еще раз вынести в название публикации этот термин именно сейчас представляется уместным в связи с отмечаемым совсем недавно 140-летием выхода в свет 1 тома «Капитала» К.Маркса. Выражение «чувственно-сверхчувственная предметность» в этом произведении встречается уже в 1 главе. Особенно хорошо оно смотрится в самом начале параграфа «Товарный *фетишизм* и его тайна». Вот как это выглядит в русскоязычной версии: «Но как только он [стол] делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь»ⁱⁱ. Такой перевод гораздо ближе к оригиналу, чем англоязычный, в котором как раз двойная предметность («вещность»ⁱⁱⁱ) любого товара отсутствует (Ср.: "Aber sobald er als Ware auftritt, verwandelt er sich in ein sinnlich *übersinnliches Ding*" и "But, so soon as it steps forth as a commodity, it is changed into something *transcendent*" (обе цитаты взяты из интернет-изданий "Капитала").

Но ведь как раз эта двойность вещиности, предметности – неотъемлемая черта институциональной реальности, которую скрупулезно пытается описывать, например, Дж. Сёрл. Вот только одно его характерное высказывание в статье, опубликованной на русском языке в журнале «Вопросы экономики» в прошлом году: «Дабы увидеть, что человек забил гол, что он президент или что перед нами банкнота, мы должны мыслить на двух различных уровнях одновременно» [Серл 2007: 17]. В каком-то смысле ему вторит Дж. Ходжсон: «Дж. Коммонс заметил, что «иногда институт кажется похожим на здание, на некую конструкцию из законов и

регламентов, в рамках которых индивиды действуют как заключенные. Иногда же он кажется «поведением» самих заключенных»... Чтобы получить полную картину событий, всегда необходимо учитывать оба аспекта» [Ходжсон 2007: 37]. Наконец, в завершающей подборку «Современная теория институтов: предмет и метод» статье В.М. Ефимова «Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики» также говорится о многоуровневой предметности (вещности): «Для обсуждения предмета интерпретативной институциональной экономики целесообразно выделить в социально-экономической реальности, то есть в потоке экономической деятельности, следующие четыре уровня: когнитивный, институциональный, организационный и ресурсно-технологический (самый низкий уровень)» [Ефимов 2007: 63].

Общей для этих трех цитат является многоуровневость реальности, с которой имеют дело экономисты и не только они. Причем нижний уровень в каждом случае – чувственно воспринимаемый, а верхний – нет. Более того, при описании верхнего уровня каждый из авторов употребляет слова типа «верования»^{iv}. Это слово – верования – перекликается с «фетишизмом», вынесенным К. Марксом в название §4 I главы I тома «Капитала». Иными словами, полтора века прошло, а тема так или иначе присутствует. Точнее, не столько присутствует, сколько возвращается или, скорее, заново открывается, особенно для англоязычных авторов, не получивших в свое время из рук переводчиков «Капитала» «чувственно-сверхчувственную предметность».

2007 год: конструирование содержания «чувственно-сверхчувственной предметности»

Сборка модели

Сейчас я попробую последовать первой рекомендации Дж. Сёрла – рассматривать «институциональную онтологию» от первого лица, – но не обещаю, что следствием будет его вторая рекомендация: только общество обладает логической структурой: "Во-вторых, следствием нашего анализа

является то, что общество обладает логической структурой. Другие области природы, например Солнечная система, деление клетки или репликация ДНК, такими структурами не обладают. Теории об этих областях природы имеют логическую структуру, но сама природа – нет" [Сёрл 2007: 27].

Для начала попробуем определиться с тем, что дальше будет пониматься под «вещью». Я буду применять этот термин ко всему, что может появиться (возникнуть), существовать и исчезнуть. Понятно, что в первую очередь этим свойством обладаем мы сами, люди, каждый из нас^v.

В онтологическом содержании этого определения можно выделить два взаимоисключающих *состояния* – бытие и небытие некоей (любой) вещи – и связанные с ними два симметричных *события* – появление и исчезновение. Понятно, что чувственная предметность отхватывает почти бесконечное множество вещей, которые так или иначе (в том числе и посредством приборов) могут восприниматься нами, нашими чувствами. Похоже, сейчас можно уже говорить, что существуют и такие феномены, к которым трудно или бессмысленно прикладывать мерку «появиться – исчезнуть».

У этих двух событий есть одно важное свойство: инвариантность к средствам наблюдения. Иначе говоря, если такое событие произошло и наблюдалось разными наблюдателями и/или разнообразными (но адекватными!) средствами, то протоколы наблюдений будут идентичными (Конечно, только с точностью до фиксации начального и конечного состояний: «есть», «нет». Переходные состояния (т.е. сами процессы появления и исчезновения) при этом могут вообще выпадать из наблюдений. В этом случае они тоже становятся «сверхчувственными»). То есть можно говорить о полной объективности таких событий.

Вещи разнообразно взаимодействуют между собой, что известно каждому из нас на собственном опыте предметной деятельности с самого раннего детства. Отталкиваясь от этого опыта на уровне чувственной предметности, мы сейчас попробуем сконструировать простейшую модель

Альманах современной науки и образования, №3 (10), Тамбов, 2008, с. 52-62
предметности сверхчувственной, а потом рассмотреть ее основные свойства, видимые практически невооруженным глазом («третьим», мысленным)^{vi}.

Итак, для начала нам надо из всего многообразия взаимодействий потенциально или реально наблюдаемых вещей (предметов) выделить как минимум два противоположно направленных «линейных» процесса (Конечно, только с точностью до фиксации начального и конечного состояний: «есть», «нет»). Переходные состояния (т.е. сами процессы появления и исчезновения) при этом могут вообще выпадать из наблюдений. В этом случае они тоже становятся «сверхчувственными»). Модель каждого такого процесса состоит из как минимум двух взаимодействующих вещей на «входе» в этот процесс и как минимум двух же, но других – на «выходе». Итого – четыре типа вещей в каждом процессе, но всего шесть: два типа вещей появляются на «выходе» из одного процесса и исчезают на «входе» в другой (см. рис.1).

На этом рисунке, чем-то отдаленно напоминающем иероглиф и по форме и по содержанию, самый большой «скругленный прямоугольник» символизирует определенные *общие условия* взаимодействий всех вещей, участвующих в одном (изображаемом на рисунке) циклическом процессе. Внутри него меньшие «скругленные прямоугольники» (более светлый и более темный, если смотреть слева направо) символизируют *специфические условия* протекания каждого отдельного «линейного» процесса. Самые маленькие «скругленные прямоугольника» с различной «заливкой» символизируют предметы шести разных типов, *непосредственно участвующие* в этих двух процессах. Различия в их «заливке» отражают «способы» их участия: во-первых, являются ли они «внутренними» (два средних «скругленных прямоугольника») или «внешними» по отношению к циклу, и существуют ли они на «входе» в тот или иной «линейный» процесс (“input”), или на его «выходе» (“output”)^{vii}.

В предыдущем абзаце описывались представленные на рисунке реалии чувственного типа, то есть для них предполагается наблюдаемость теми или

иными способами, средствами. Теперь перейдем к «сверхчувственным», т.е. совсем не обязательно наблюдаемым. Их здесь три: две толстые стрелки, символизирующие «линейные» процессы^{viii}, и почти накрывающий их и пару «внутренних» типов предметов полупрозрачный элемент, также графически представляющий собой «скругленный прямоугольник». Он-то и представляет собой в чистом виде «сверхчувственную предметность» в рамках собранной здесь модели. Представляет её просто «по построению», как сказал бы математик.

Как и любой предмет чувственного типа, он может «быть» или «не быть». Для того чтобы он «был», необходимо существование «в нужном месте в нужное время» общих и специфических условий существования «линейных» процессов, а также запасов предметов, претерпевающих при этом необратимые изменения. Соответственно, слишком сильное изменение условий или исчерпание запасов внешних предметов приводит к его исчезновению.

Описание конструкции

Строго говоря, на этом сборка модели закончена и можно приступить к описанию того, что у нас получилось.

Дальнейшее изложение будет легко для понимания, если видеть этот циклический процесс «своими глазами». Для этого нужно умственное усилие примерно такого же типа, какое требуется, когда надо в произвольном четырехугольнике на плоскости с прочерченными диагоналями «увидеть» трехгранную пирамиду. Только в случае пирамиды мы имеем дело с проекцией на плоскость еще одного пространственного измерения, а здесь – *временного*.

По вполне понятным причинам больше всего для нас, экономистов, преподающих и осваивающих современный стандартный курс, эта картинка похожа модель циркулярного движения (благ и встречного – денег)^{ix}. Но в той модели главный упор делается на двойственном характере едва ли не каждой транзакции (в любом случае это относится к обмену и аренде). Здесь

же акцент делается на цикличности процессов как таковой, на том, какими свойствами «по построению» обладают циклы как специфические «сверхчувственные» предметы^x.

Но сначала надо ввести некоторые названия, соответствующие сути дела^{xi}. Наверное, было бы логично совокупность состояний и событий, в которых так или иначе участвует та или иная вещь, назвать ее жизнью. В простейшем случае, представленном на рис. 1, одни «чувственные предметы» – условия – живут неопределенно долго, часть других (inputs) – заканчивает свое существование, попав в жизнь нашего сверхчувственного предмета, или, наоборот, начинает свою самостоятельную жизнь (outputs). Наконец, жизнь предметов оставшихся двух видов – внутренних – целиком происходит только в рамках цикла.

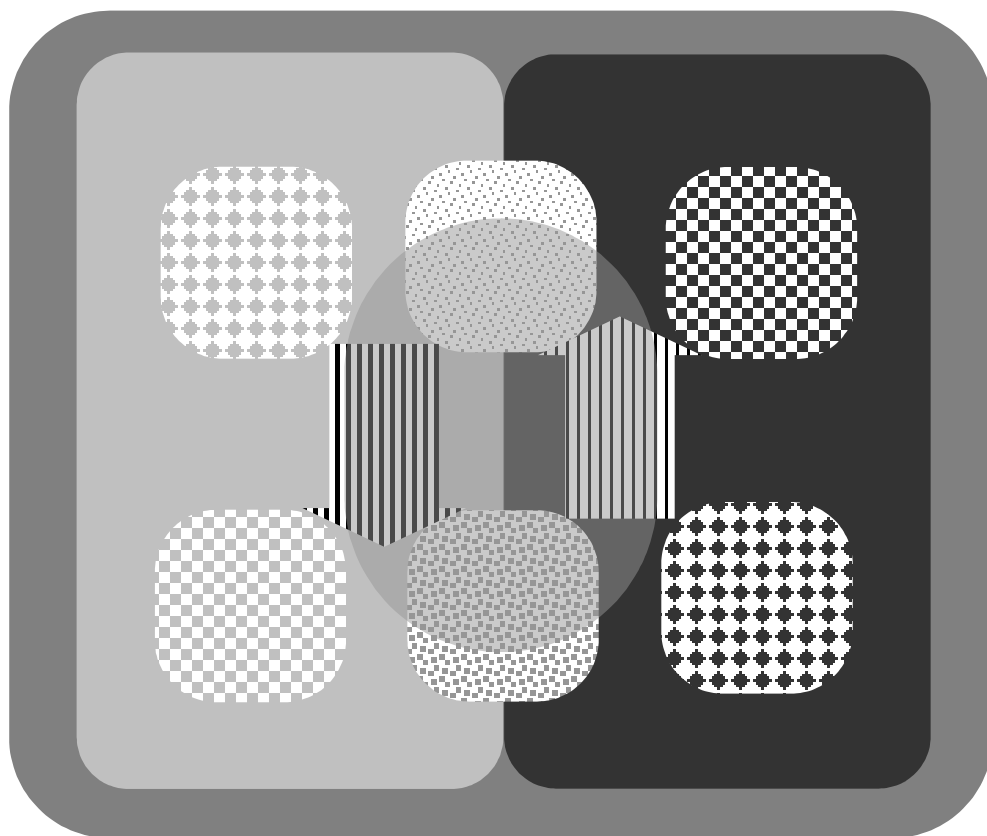

Рис. 1. "Циклический процесс как последовательность (двух) линейных процессов"

Тем не менее, уже здесь можно отметить одно интересное свойство – взаимное отчуждение^{xii} жизней изображенных на картинке чувственных и сверхчувственного предметов. Конечно, каждая вещь проживает свою жизнь,

а не чужую. Но их взаимодействие – это взаимное вторжение в чужую жизнь, которая тем самым перестает быть совсем уж чужой, так или иначе влияет на собственную жизнь каждой взаимодействующей вещи (В предельном случае, представленном на рис. 1, реализация каждого «линейного» процесса представляет собой прекращение существования как минимум двух вещей и появление двух других). Этого никак нельзя сказать об их отношениях с жизнью предмета верхнего уровня – циклического процесса.

Это утверждение не кажется очевидным. Скорее, наоборот – при взгляде на рисунок очевидна именно самая тесная связь жизней вещей обоих уровней. Но это видно нам, наблюдателям со стороны (off line). Если же воспользоваться методологической рекомендацией Дж. Сёрла – «Институциональные факты существуют только с точки зрения их участников, и поэтому внешние функционалистские или бихевиористские методы для их анализа неадекватны. Следует самому мысленно вжиться в институт, чтобы понять его» [Серл 2007: 27], – то надо спуститься вниз (on line) и занять для начала, например, позицию любого предмета, участвующего в отдельных линейных процессах. А с этой позиции видны самое большее – отдельно взятые ситуации (дискретные «линейные» процессы, имеющие каждый свое начало и свой конец), в которые так или иначе попадают (или попадают) сами их участники^{xiii}. Является ли такой процесс частью цикла или нет, его непосредственным участникам не может быть «известно» из самого факта его осуществления.

Если мы теперь попробуем занять позицию повыше, на уровне сверхчувственного предмета, то придем к аналогичному выводу, но уже по совсем иным соображениям. Для продолжения жизни этого предмета достаточно, чтобы последовательно реализовывались соответствующие линейные процессы. Какие именно предметы в них будут участвовать и какова при этом их судьба, не имеет никакого значения. Лишь бы свойства этих вещей были подходящими для того, чтобы технологический процесс пошел в нужное время в нужном месте^{xiv}.

Можно эту же мысль выразить несколько иначе. Сверхчувственный предмет верхнего уровня состоит не из чувственных предметов нижнего уровня (все они – только условия его существования или потребляемые ресурсы), а из линейных процессов, определенных совокупностей событий. Эти процессы я бы назвал абстрактными частями конкретного (определенного) целого. Абстрактными как раз потому, что в них используются только определенные «отдельно взятые» свойства реальных чувственных предметов безотносительно к ним самим, их собственной природе.

Пользуясь языком экономистов, я бы эти линейные процессы, являющиеся абстрактными частями одного предмета верхнего уровня, назвал его функциональными потребностями, а предметы нижнего уровня (точнее, не сами предметы, а их функциональные свойства), соответственно, предметными потребностями.

Кроме того, в описании конструкции есть смысл использовать обобщающую (и в данном случае сугубо соотносительную) пару терминов «быт – бытие»: первый из них – быт – охватывает события жизни предметов нижнего уровня, а второй – бытие – события в жизни предмета верхнего уровня. Это помогает провести четкую границу между промежуточными (output) и конечными результатами (outcome) функционирования циклического процесса. Непосредственные предметные результаты каждого линейного процесса остаются только промежуточными с точки зрения существования самого цикла или вообще побочными внешними эффектами (на рис. 1 такими промежуточными результатами являются элементы, расположенные строго на север и юг от центра, а экстерналиями – элементы, расположенные на северо-восток и юго-запад от него) и относятся исключительно к сфере быта. Строго говоря, результатом любого такого процесса является не только появление одних предметов, но и исчезновение других (обобщая – любые изменения предметов, которые мы связываем с его осуществлением). Иначе говоря, традиционные в экономическом обиходе

термины «затраты» и «результаты» в равной мере являются именно результатами. «Причинно-следственное» видение их связей на самом деле производно от действительно причинного воздействия самих людей, но это – тема отдельного разговора. А действительно конечным результатом того же линейного процесса является продолжение существования (или, наоборот, прекращение существования) предмета верхнего уровня. Мы пока отвлекаемся от иных – количественных и качественных изменений этого предмета, которые также могут быть «конечным результатом».

Есть еще два широко употребляемых экономистами термина, которые тоже уместны в описании рассматриваемой конструкции: «интересы» и «эксплуатация». Оба они пришли из латыни и здесь я постараюсь быть предельно близко к их первоначальному смыслу, отвлекаясь от большого спектра ассоциаций, исторически связанными с каждым из них.

Интерес – *inter-est* – если я не ошибаюсь, дословно означает «между есть» – изменение (или, наоборот, отсутствие изменения) чего-то во времени. В нашем предельно простом случае – появление и/или исчезновение вещей двух смежных уровней (быта и бытия) – интересом предмета верхнего уровня является продолжение его существования, отсутствие изменения, которое есть (*est!*) его исчезновение. В нашей простой конструкции есть вполне реальный носитель интереса (циклический процесс), но нет его – интереса – субъекта. Такое применение термина «интерес» позволяет последовательно разводить объективное содержание чьих-либо интересов и их осознание кем-либо. Понятно, что реализация интересов предмета верхнего уровня так или иначе затрагивает интересы предметов нижнего уровня.

Как раз здесь, на стыке интересов разных уровней мне представляется уместным применение термина «эксплуатация». Его основной смысл заключен в первых трех буквах (т.е. приставки) – «экс» – означающих *извлечение, изъятие* какой-либо вещи из автономного бытия и превращение в бытовую деталь какой-то иной жизни^{xv}. В нашей конструкции можно

говорить о том, что реализация интереса предмета верхнего уровня требует эксплуатации предметов нижнего уровня вопреки их собственным, непосредственным интересам. Это относится и к внешним предметам, расположенным соответственно к северо-западу и юго-востоку от центра рисунка, и к внутренним предметам, расположенным над и под ним. Для полноты описания, наверное, следовало бы: во-первых, добавить симметричный термин (например, «испускание», «излучение») для обозначения начала существования вне и внутри циклов предметных результатов линейных процессов, однако в данной работе он не понадобится; во-вторых, отметить возможность обозначения как «паразитизма» инверсию базового отношения – эксплуатацию предметами нижнего уровня ресурсов жизни предмета верхнего уровня.

Вряд ли сказанное об эксплуатации внешних предметов, в нашем случае просто исчезающих, требует особого пояснения. А вот об эксплуатации внутренних предметов, мне кажется, следует кое-что сказать. Может показаться, что им как бы «по построению» уготована участь быть использованными тем предметом, который был причиной^{xvi} их появления («Я тебя породил, я тебя и убью»). На самом деле это не так. Само по себе появление любого такого предмета в рамках циклического процесса никак не «предписывает» его исчезновение в нем же. Если этот предмет – вещь, имеющая свою собственную жизнь, то она может продолжаться и за пределами цикла, пространственными и временными. Будет ли она выведена из поля жизни цикла каким-либо внешним фактором или выйдет сама, не имеет значения. В любом случае бытовая свобода перемещения такого предмета угрожает бытию предмета верхнего уровня. В этом, как мне представляется, можно обнаружить самую простую (естественную, логичную) причину появления институтов, ограничивающих возможности жизни одних предметов в интересах жизни других, в том числе (или прежде всего?) сверхчувственных.

Рассмотрение свойств

Теперь, когда конструкция описана достаточно полно, можно перейти к краткому рассмотрению самых общих свойств циклического процесса как предмета, обусловленных его конструкцией, а потому претендующих на универсальность в рамках применимости этой модели к реальности^{xvii}.

Поскольку речь идет о самостоятельно существующей (функционирующей) вещи, первыми стоит назвать свойства «самосохранение» и «самоуничтожение». Противоположность этих свойств только кажущаяся, поскольку они относятся к разным масштабам времени (соответственно, *short run* и *long run*, если употреблять привычные экономистам термины). Эти свойства могут иметь и количественное измерение, каждое – свое.

Начнем с самосохранения. Поскольку мы имеем дело с повторяющимися линейными процессами, можно хотя бы для начала отвлечься от их качественных изменений от раза к разу и рассмотреть только возможные количественные изменения. Полный набор вариантов, естественно, включает три возможности – увеличение, уменьшение и отсутствие изменений^{xviii}.

Для последнего варианта – «равновесного» функционирования – есть простая количественная оценка и второго свойства – самоуничтожения, определяемая делением запасов каждого внешнего ресурса на однократно используемую порцию и нахождением среди полученных результатов минимального. Разумеется, эта количественная оценка предстоящей жизни цикла (измеренной в его оборотах) имеет смысл только при отсутствии пополнения ресурсов и, как уже отмечалось, отсутствия качественных и количественных изменений технологий каждого линейного процесса. Тем не менее, расчеты такого типа широко практикуются, причем далеко не только экономистами и экологами (На мой взгляд, при этом – в явном или неявном виде – используется конструкция, которую мы сейчас рассматриваем). Прикладной их смысл очевиден: мониторинг «слабых звеньев» для принятия рациональных решений об использовании имеющихся ресурсов для поиска

дополнительных запасов и/или совершенствования технологий их использования. Привязка событий, образующих цикл, к временным характеристикам их общих условий (напомню, они отображены на рис. 1 в виде самого большого «скругленного прямоугольника»), позволяет фиксировать такой важный временной параметр как период одного обращения цикла (и, соответственно, временную оценку обеспеченности существования в будущем)^{xix}.

Для первых двух вариантов первоочередное значение имеет изменение интенсивности жизни цикла (можно сказать – ее количества). В абсолютном выражении оно представляет собой разность количеств лимитирующего ресурса, воспроизводимого в рамках цикла, за один оборот, в относительном – частное от деления этой разности на базовую величину. Перевод этой формулы на англоязычную латынь, похоже, имеет вид *inter-est rate*. Обратный перевод первого из этих слов на русский – интерес, а всего словосочетания – процент на капитал. Среди многих других смыслов русского слова «интерес» есть и общее обиходное и то, которое выше было использовано при описании модели. Что же касается «процента на капитал», можно отметить, что русскоязычный вариант, в отличие от англоязычного, не дает никаких подсказок о его содержании, точнее, дает ложную метафору «долевого» характера^{xx}. Дабы не путать общее и специально-экономическое содержание термина «*inter-est rate*», далее для общего случая будет использоваться его аббревиатура – IER.

Помимо процента на капитал, нам, экономистам, известны хотя бы из истории мировой экономики такие его варианты, как «сам-пять», «сам-сто», описывающие эффективность растениеводства, а из соседней науки – демографии – коэффициент фертильности. Цепная реакция (в АЭС и не только), как и взрывные процессы, описываются аналогичными формулами.

Учитывая распространенность циклических процессов^{xxi}, я бы сказал, что общий смысл показателя IER гораздо шире и разнообразнее, чем описано в работе «Общая теория занятости, процента и денег» Дж. Кейнса (The

General Theory of Employment, Interest and Money by John Maynard Keynes).
Объяснение его через гипотезу о предпочтении настоящего будущему^{xxii}, на мой взгляд, является ошибочным.

Хочу обратить особое внимание на сугубую специфику этого измерителя, в корне отличающего его от всего, чем мы привыкли пользоваться в нашем быту, в том числе и научном. Обычно одна чувственная вещь (ее свойства) измеряется другой вещью (ее свойствами той же природы) – эталоном^{xxiii}. К этой второй вещи предъявляются повышенные требования по неизменности во времени и пространстве. Здесь же единицей измерения вещи – циклического процесса – является она сама, ее параметры в «определенный» период, который и сам может быть плавающим^{xxiv}. Такое отношение вещи к ней самой – не только и не столько умозрительная операция внешнего наблюдателя, сколько ключевой параметр ее собственной жизни.

Формальный диапазон изменения IER – интервал $(-1, +\infty)$. При этом ноль соответствует «простому воспроизводству». Но это только в умозрительных стерильно-детерминированных условиях и в предположении, что все внутренние вещи цикла не выходят за его пределы. В действительности элементы спонтанности, присутствующие и в линейных процессах, и в жизни внутренних вещей (важный частный случай – уже упоминавшаяся бытовая свобода перемещений), да и в условиях – общих и специфических, во-первых, сдвигают IER неизменного уровня интенсивности в зону положительных значений (См., напр. ru.wiki: «В условиях низкой смертности для простого замещения поколений коэффициент фертильности должен быть не ниже 2,15»). В общем виде – чем больше рисков, тем выше значение IER), и, во-вторых, делают его величину неустойчивой, не вполне определенной. Тем самым простой исходный в нашей модели дихотомический интерес – «не исчезнуть», «быть» – на уровне сверхчувственной предметности естественно трансформируется в

количественный, можно сказать, экспансионистский – «быть больше, чем раньше».

Такова минимальная конфигурация логика жизни «чувственно-сверхчувственной предметности» даже в самом простейшем варианте, никак не привязанной к какой-либо специальной области, а потому одинаково присутствующей в любой из них. Именно это не позволяет согласиться с утверждением Дж. Сёрла, что только общество обладает логической структурой. Два из трех названных им примеров – деление клетки и репликация ДНК – имеют самое прямое отношение к циклической предметности и подчиняются ее логике (например, деление клетки на две – это $IER=2$, а репликация – один из многих линейных процессов, входящих, кстати, и в процесс деления клетки), что же касается Солнечной системы, то в ее жизни цикличность не только тоже изначально присутствует, но и во многом диктует наше собственное поведение, жизнь общества в рамках суточного и годового циклов. Или это – не «логическая структура»?

Примеры использования конструкции

Меня как экономиста интересуют прежде всего перспективы использования описанной конструкции при работе с экономическими приложениями. По-видимому, никто, кроме экономистов, не претендует на то, чтобы профессионально заниматься сопоставлением затрат и результатов. Похоже также, что никто больше не пытается это сопоставление делать в простой арифметической форме – вычитания затрат из результатов, – возможной только при представлении тех и других в одной единице измерения. Описанная конструкция помогает нам лучше понять две вещи: во-первых, только существование циклической предметности, пусть даже явно не наблюдаемой ни одним агентом, как это свойственно рыночной экономике, позволяет заниматься этим сравнением не отвлеченно, а сугубо конкретно, имея в виду простой гамлетовский вопрос – «быть или не быть». Во-вторых, далеко не только в денежной форме возможно и реально

практикуется (или, как минимум, широко практиковалось в прошлом) сравнение затрат и результатов^{xxv}.

Учет первого обстоятельства, как представляется, требует вписывания каждого экономического агента как предмета нижнего уровня по крайней мере в три предмета верхнего уровня: демографический (корректнее было бы говорить о более сложной, социокультурной предметности, также имеющей циклическую основу), собственно экономический и экологический (см. рис 2). Только в этом случае его поведение может рассматриваться «соответственно природе» и с учетом взаимосвязей основных интересов предметов обоих уровней. В частности, для верхнего уровня встраиваются в один ряд разные версии IER – процент (на капитал) (и темп роста ВВП), коэффициенты фертильности и экологической воспроизводимости (этого показателя в явном виде в статистике еще нет, но доля повторно используемых ресурсов в производстве многих товаров уже указывается в информации для потребителей). Можно анализировать эту конструкцию на устойчивость и сравнивать разные ситуации во времени и пространстве^{xxvi}.

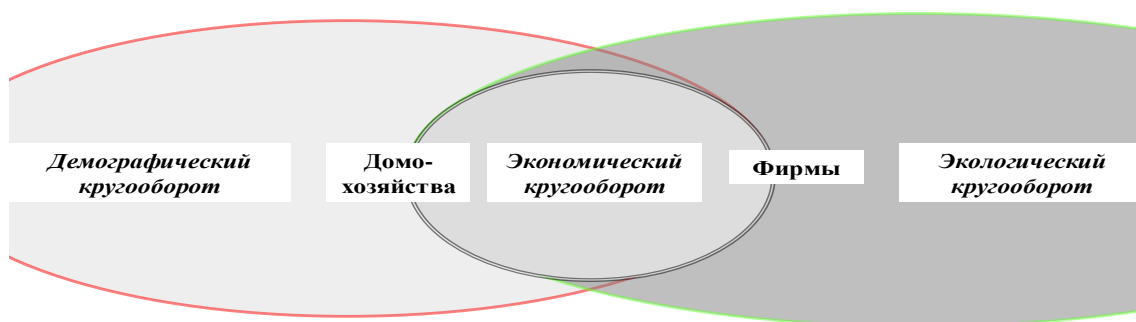

Рис. 2. Экономические агенты в координатах трех «циклических» предметностей

Здесь же можно отметить, что с позиции «on line» ни одна из предметностей верхнего уровня не видна сколько-нибудь адекватно. В

успешно существующих достаточно долгое время социальных образованиях они «манифестированы», выражаясь языком Ф. Хайека, в ансамбле институтов, регламентирующих (точнее, ограничивающих, но не предопределяющих) и демографические решения агентов, и экологические и собственно экономические^{xxvii}.

Учет второго обстоятельства в модельном виде наиболее полно присутствует в модели межотраслевого баланса (input-output model). В советское время такое сопоставление затрат и результатов было предельно широко представлено в системах материальных балансов, насчитывавших тысячи позиций для годового режима планирования на уровне страны. Однако и сейчас по ключевым ресурсам разрабатываются аналогичные балансы, в том числе и прогнозные на много лет вперед в глобальном масштабе.

Можно сказать, что стандартный материальный баланс – это типичное описание ситуации с внутренними предметами в рамках циклического процесса: запасы на начало и конец периода, входящие и выходящие потоки. Два основных метода расчета ВВП – по конечному использованию и по производству «добавленной стоимости» – это трижды (каждый раз – с потерей информации^{xxviii}) модифицированный исходный материальный баланс.

Представленная здесь конструкция также ненавязчиво напоминает о необходимости различать для циклических процессов внутренние (или естественные, собственные) и внешние (искусственные, привносимые) характеристики. О внутренних характеристиках можно говорить, когда рассматривается непосредственно циклический процесс как таковой, в его собственных событиях. Тогда, например, показатель IER привязан к одному обороту. О внешних характеристиках можно говорить тогда, когда события, входящие в цикл, рассматриваются в привязке к внешним временным периодам, например, к астрономическому году. Эти две характеристики во

многим, хотя и не во всем, совпадают в крестьянском хозяйстве, если урожай собирается только один раз в год.

Наша стандартная статистика оперирует именно с внешними величинами, такими, как валовой внутренний продукт (ВВП), оставляя при этом вне внимания многие реальные процессы. Приведу только один пример, связанный как раз с I томом «Капитала». К. Маркс тщательно различает изменение интенсивности труда и его производительности, поскольку только изменение производительности труда не затрагивает жизненных интересов работающего. Но статистика, по крайней мере на национальном уровне, эти явления не различает.

Это во-первых. А во-вторых, «внутренняя» версия позволяет затратно-результатный подход перенести с нижнего на верхний уровень циклической предметности. А именно: предшествующий (или предшествующие) обороты рассматривать как затраты по отношению к следующему (или последующим). В чистом виде эта версия присутствует в уже упоминавшемся «зерновом» показателе: «сам-пять»^{xxix}. По сути дела близкий смысл имеет и коэффициент фертильности. В предельно условном виде можно в этих же терминах говорить о темпе роста ВВП как показателе экономической (затратно-результатной) эффективности воспроизводства.

В-третьих, использование в явном виде двухуровневой конструкции позволяет четче различать три разных «смысла» эффективности в экономической деятельности. В [Гребнев 2007b] я отмечал только две: собственно экономическую, затратно-результатную, и внешнюю, но обязательно присутствующую, управленческую – «целе-результатную». Сравнение «план/факт» постоянно присутствует в практике хозяйствования любого экономического агента. Из него вырастает и моделирование ожиданий в микроэкономике и в макроэкономике.

В обычном обиходе, «быту», они относятся к нижнему уровню предметности. Но рациональное хозяйствование ориентировано на интересы верхнего уровня – целого. Поэтому конкретные цели нижнего уровня (на

языке outputs) должны соответствовать предметности верхнего уровня (outcomes) (Если не ошибаюсь, в англоязычной практике наиболее общие outcomes формулируются организациями как миссия). Иначе говоря, «матрешка эффективности» включает как минимум три «слоя»: «соответствие предметных целей интересам целого (целесообразность целей) – соответствие результатов поставленным целям и интересам (целесообразность планируемых результатов при целесообразности всех остальных результатов) – соответствие затрат результатам (необходимость, избыток, *достаток*)».

Поскольку «целым» в целеполагании «чувственных» агентов в пределе является «сверхчувственная» жизнь человеческого рода, а также с учетом актуальности глобального дискурса по всем трем «над-агентным» предметностям, сейчас мы вернемся к теме отчуждения. На мой взгляд, этот концепт в том смысле, который был описан на нашей конструкции, в полной мере присутствует и в жизни. В этом смысле человеческий род и сейчас живет точно так же, как любой биологический вид: никому из современников – от отдельных персон до любых коалиций – нет дела до него, отчуждение полное^{xxx}.

Тем не менее, можно заметить растущую озабоченность самых разных людей этой ситуацией как угрожающей интересам практически всех – и тех, кто живет сейчас, и тех, кто будет жить потом или не будет, причем в результате действий людей и коалиций, занятых своей собственной жизнью.

Фатально ли это отчуждение, или люди могут так устроить свои институты, чтобы обезопасить жизнь человеческого рода от своей собственной деятельности без лишения ее собственно человеческого, то есть свободного, характера? Похоже, Дж. Сёрл готов расстаться с верой в такую природу человека: «Как может существовать социальная и институциональная реальность, в том числе и экономическая, во Вселенной, состоящей исключительно из физических частиц и силовых полей?» (Сёрл

2007: 10) и чуть раньше там же: «Не исключено, что нам придется расстаться с нашей верой в свободу воли»^{xxxі}, но я не готов за ним последовать.

Я принимаю его предложение поместить дискуссию о субъект-объектных дистинкциях в более широкий контекст современной интеллектуальной жизни, согласен и с тем, что в последнее время наши представления о «законах Вселенной» значительно расширились. Однако мне представляется, что уважаемый коллега недостаточно их учитывает, когда говорит о Вселенной, состоящей исключительно из физических частиц и силовых полей. Даже если абстрагироваться от обнаруженных астрономами «темной материи» и еще более загадочной «темной энергии», а ограничиться явлениями микромира, можно сказать, что далеко не все «частицы» обладают тем же свойством, что и человек – занимать собственную часть пространства – пространства своей жизни рядом с другими, подобными себе предметностями^{xxxіі}.

Но во Вселенной есть много чего другого. И человек «состоит» далеко не только из «частиц». Может быть, как раз полевая «составляющая» природы человека – онтологическая основа общей (всеобщей?) собственности. Ведь специфика человека как субъекта состоит именно в полисубъектности («полифонии»): только смотрясь в других людей человек начинает хоть что-то понимать в своей собственной субъектности, а если шире – именно причастность к сообществу себе подобных делает человека человеком. Очень разным человеком, о чем напоминают 36 древних китайских стратагем, в последнее время получивших широкую известность и в странах европейской культуры. См., например: [Зангер 2006]. А вот в отношении к объектам появляется эффект моносубъектности – единства воли.

Что в корне отличает как раз человека от нуклонов, так это «свобода воли», то есть отсутствие внешней причинности действий, полная ответственность за них того, кто их совершает («самодетерминация»). Я не уверен в том, что можно найти «частицу» или какую-то иную «единичность»,

которая имела бы похожее свойство. В поисках аналога этого своего *общего для всех* людей свойства, осознаваемого уже давно^{xxxiii}, люди часто смотрят не только вниз, на «единичности», а вверх, на «всеобщее». Именно Вселенная, если пользоваться тем же термином, что и Дж. Сёрл, обладает свойством самодетерминации (*causa sui*)^{xxxiv}.

Но по-другому самодетерминацию можно определить как неопределенность, непредсказуемость поведения, «реакции». Экономисты уже сравнительно давно, с 1920-х годов различают вероятностную определенность и неопределенность. Однако, как мне представляется, учитывают последнюю не вполне адекватно. К сказанному на эту тему в рецензии на книгу В. Канке [Гребнев 2007а] хочу здесь добавить нюанс, связанный как раз с двухуровневой предметностью.

В случае с нами, людьми, точнее, в связке «индивид – воспроизводящая общность», неопределенность присутствует как на нижнем уровне предметности – просто как наше природное свойство, так и на верхнем – как свойство общих условий существования. Именно второй тип неопределенности, если смотреть на реальность без оглядки на экономистов-теоретиков, является основой той экономической рациональности, которая и выражается как в накоплении страховых запасов, так и в стремлении минимизировать затраты в рамках каждого линейного процесса. Иначе говоря, и то, и другое – это инструменты минимизации рисков для жизни предмета верхнего уровня. В этом же – инструментальном – ряду находится и наша собственная способность свободно действовать, творить. Точнее, сама по себе она – отнюдь не инструментальная ценность, а природное свойство человека, которое может использоваться и утилитарно: неопределенность (нижнего уровня предметности) как средство борьбы с неопределенностью (на верхнем уровне предметности). Похоже, как раз сейчас, в инновационно ориентированной экономике, она все более активно начинает функционировать именно в таком формате.

Я надеюсь, что освоение предложенной здесь конструкции со временем позволит отказаться от совсем уж нереалистичных базовых мифов, представленных, хотя и в несколько разных словах, и в «мейнстриме» экономической теории, и в советской политической экономии, и, прежде всего, от мифа неизбежного превышения «хочу» над «могу» (при игнорировании «надо»?) на нижнем уровне социальной предметности.

Вот как это выглядит сейчас в мейнстриме:

«Товары ограничены, в то время как *желания кажутся неистощимыми...* Из-за безграничности потребностей важно, чтобы экономика максимально использовала свои ограниченные ресурсы» [Самуэльсон, Нордхауз 1997: 48].

А вот как было в советской политической экономии 1970-х годов:

«*Потребности людей постоянно растут* и опережают расширение возможностей их удовлетворения, что служит стимулом для дальнейшего роста производства» [Цаголов 1974: 125].

И, наконец, еще один вариант, 1952 года:

«Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей... На самом деле мы имеем здесь дело не с приматом потребления, а с подчинением социалистического производства основной его цели обеспечения максимального удовлетворения *постоянно растущих* материальных и культурных *потребностей* всего общества» <http://www.cprf.info/library/3773.shtml?print>.

Может быть, пора сменить парадигму?

Источники

- Гребнев Л.С. (1993) Предметный мир экономистов: между чувственным и сверхчувственным // Вопросы экономики. 1993. № 4
- Гребнев Л.С. (2007а) «Философия экономической науки» В. А. Канке и проблема неопределенности. ВЭ. 2007. № 6

- Альманах современной науки и образования, №3 (10), Тамбов, 2008, с. 52-62
- Гребнев Л.С. (2007b) О предмете экономической науки, или С чего начинать преподавание экономики. ВЭ. 2007. № 8
- Ефимов В.М. (2007) Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. 2007. № 8
- Зенгер Х. фон (1988-1999). Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать (в 2-х томах), М. 2006
- Имамичи Т. (1995) Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. 1995. №3
- Ленин В.И., ПСС. Т. 29
- Маркс К, Энгельс Ф., Соч. Т.23
- Мизес Л. фон (1950) «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории», М. «Экономика», 2000
- Рассел Б. (1945) История западной философии. М. 2006, с. 875
- Самуэльсон П., Нордхауз В. (1995) Экономика М. 1997
- Сёрл Дж. (2005) Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8
- Ходжсон Дж. (2006) Что такое институты? // Вопросы экономики. 2007. № 8
- Цаголов Н.А. (ред.) (1974) Курс политической экономии.. М. 1974. Т. II
- Хайек Ф.А. фон (1988) Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма (F.A. Hayek. The Fatal Conceit. The Errors of Socialism. 1988) М. 1991

ⁱ [Гребнев 1993] К сожалению, в англоязычной версии "Содержания" номера "сверхчувственное" переведено как "supersensitive" вместо "oversensitive" или хотя бы "transcendent". Остальные концевые сноски при первом знакомстве с текстом можно не смотреть.

ⁱⁱ [Маркс, Энгельс: 81] (курсив мой, – Л.Г). Далее следует: "Он не только стоит на своих ногах, но становится перед лицом других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать (сноска К.Маркса: Напомним, что Китай и столы начали танцевать... как раз тогда, когда весь остальной мир казался находящимся в полном покое (примечание издателей: После поражения революций 1848-1849 гг. в Европе наступил период мрачной политической реакции. В эту пору в аристократических кругах европейских стран стали увлекаться спиритизмом, особенно столоверчением. А в Китае в то же самое время развернулось антифеодальное освободительное движение, принявшее характер мощной крестьянской войны (тайпинская революция))".

ⁱⁱⁱ В узко научных кругах, особенно русскоязычных, термины "вещь" и "предмет" имеют очень разное содержание. Более того, имеют разное, понятное большинству специалистов, содержание и термины "объект исследования" и "предмет исследования". Однако

немецкий термин Gegenstand переводится на русский язык и как "предмет", и как "вещь". Отсюда, например, словосочетание "призрачная предметность" (gespenstige Gegenständlichkeit) в переводах на русский язык "Капитала". Именно этот смысл имеется в виду и в моих текстах, в том числе и в словосочетании "диалектика предметности и изменчивости" (см., напр. <http://www.hse.ru/rectorat/grebnev/disser/glava2.htm>). Синонимичность терминов вещь, предмет и объект в данном контексте видна и из сравнения трех версий чуть ли не самых первых слов «Капитала»: «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь...» - «Die Ware ist zunächst ein äußerer Gegenstand, ein Ding...» - «A commodity is, in the first place, an object outside us, a thing...».

^{iv} Вот как это, например, выглядит у В. Ефимова: "Каждому уровню соответствует свой предмет анализа: на когнитивном уровне – верования, ... на ресурсно-технологическом – ресурсы и технологии их переработки" (там же). У Ходжсона в приведенной цитате нижний, чувственно воспринимаемый уровень – "индивиды как заключенные".

^v Строго говоря, известный силлогизм о смертности Сократа предписывает не обязательность смерти каждого человека, а только возможность этого события.

^{vi} Современные средства мультимедиа представляют большие возможности очень наглядного моделирования. Но на традиционном носителе – бумаге – и с жестким полиграфическим ограничением цветовых вариаций в качестве «Лего» можно воспользоваться только некоторыми стандартными элементами панели инструментов «Рисование» текстового редактора Word. А именно: при сборке графических моделей используются разные варианты фигуры «скругленный прямоугольник», а также «стрелки», с их разнообразной «заливкой».

^{vii} Любой экономист, наверное, за описанными в этом абзаце предметами без особого труда увидит аналогии с постоянными и переменными издержками, выпуском, внешними эффектами (экстерналиями).

^{viii} Возможно, не будет лишним напомнить, что наблюдаемыми в рамках это модели считаются только элементарные события, происходящие с чувственно воспринимаемыми предметами (в простейшем случае – только их появления и исчезновения). В отличие от этих событий линейные процессы представляют собой устойчивые комплексы взаимосвязанных событий. Эти комплексы – нечто вторичное по отношению к наблюдениям как таковым и именно в этом смысле являются «сверхчувственными».

^{ix} Другой пример, более привычный представителям старших поколений наших преподавателей, – «цикл воспроизводства», включающий пару противоположно направленных процессов производства и потребления материальных благ. Однако рассматривать его как специфический «сверхчувственный предмет» как-то не было принято. Может быть, напрасно.

^x Как уже отмечалось в самом начале статьи, скорее всего, термин «сверхчувственная предметность» ввел применительно к экономическим реалиям К.Маркс. Он же очень широко пользовался термином «воспроизводство» (“*reproduction*”), который практически исчез из лексикона «мейнстрима», возможно, как раз из-за его слишком сильных ассоциаций с «марксизмом». Во всяком случае, современный англоязычный читатель экономической литературы, встретив этот термин, первым делом вспомнит что-нибудь биологическое, самое большее – демографическое. Однако на самом деле «репродукция», причем как раз в связи с тем, что здесь именуется сверхчувственной предметностью, присутствует и в текстах активных критиков К. Маркса. Вот, например, что пишет Ф. Хайек в Приложении С своей последней работы: «С ходом времени появляется нечто новое, ранее не существовавшее: самоподдерживающиеся и развивающиеся структуры, представленные до какого-то момента времени лишь определенными материальными воплощениями, обретают самостоятельное бытие, сохраняясь во времени в самых разнообразных манифестациях. Возможность образования структур посредством *репродукции* повышает шансы количественного умножения тех элементов, которые

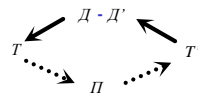
обладают такой способностью... появившись однажды, подобная модель становится такой же составляющей мирового порядка, как и любой материальный объект (курсив мой, – Л.Г.). [Хайек 1991: 266-267] (F.A. Hayek. The Fatal Conceit. The Errors of Socialism. 1988). См. также интернет-версию: http://www.libertarium.ru/libertarium/l_lib_conceit_prl.

Примером циклических предметов, видимых только off line – из космоса – являются тайфуны. Их значимость в жизни людей такова, что некоторым присваиваются персональные имена, как женские, так и, с какого-то момента, и мужские.

^{xi} Здесь тоже можно провести аналогию с четырьмя точками на плоскости, попарно соединенными отрезками прямой. Если эти отрезки называть сторонами треугольников, то можно ограничиться в воображении плоскостью. Если ребрами граней – придется мысленно от нее оторваться.

^{xii} Как и с термином «жизнь», с «отчуждением» связано много различных смыслов, далеко не покрываемых сконструированной здесь моделью. Я их только применяю как подходящие для описания наблюдаемых свойств и тем самым частично эксплицирую их содержание. В то же время, их комплексное применение в описании этой простейшей конструкции может способствовать более упорядоченному использованию каждого из них и за ее пределами.

^{xiii} Интересно сравнить способы описания этих видений участниками рыночной экономики в мейнстриме и во втором томе «Капитала», где последовательно рассматриваются три кругооборота – денежного, производительного и товарного капиталов. Хотя каждая из них написана «в линию» ($D-T...P...T'D'$, $P...T'-D'-T...P$ и $T'-D'-T...P...T$), на самом деле описывается один и тот же объект – циклический процесс, но глазами разных его участников. Возможно, если бы К. Маркс в явном виде изобразил рассматриваемый им

кругооборот хотя бы так: $T \xleftrightarrow{\frac{D-D'}{P}} T$, а лучше так:

введенной в научный оборот в то же время (1865 г.) формулой бензольного кольца, это помогло бы решать не только дидактические, но и эвристические задачи. Во всяком случае, его тройное определение капитала – как вещи, движения и отношения – здесь имеет вполне наглядный вид. Причем становится ясным, что бытие капитала как вещи представлено именно циклическим процессом, а не определенной суммой денег. Отношение капитала к самому себе – D'/D – будет прокомментировано чуть позже.

^{xiv} «В технологических образованиях принципом классификации вместо формы выступает функция. В природе кошки или птицы считаются животными, и таким образом относятся к той же самой категории, что и человек, который есть также животное. Но на современной железнодорожной станции автомат для продажи билетов и человек-кассир относятся к одной категории, тогда как кошки и птицы полностью исключены из этого функционального тождества, из этой функциональной категории». [Имамичи 1995: 79].

^{xv} Этимология корня – плуат – ведет через латынь (plicare) к протоиндоевропейскому «плек» (<http://www.yourdictionary.com/wotd/wotd.pl?word=ply>), а потому русский термин «извлечение» ближе всего не только по смыслу, но и по происхождению слова.

^{xvi} Возможно, причинно-следственность как форма связей событий во времени в полной мере уместна как раз в рамках таких циклических структур. За их пределами вряд ли можно говорить о какой-то одной причине конкретного события, скорее – о поэтапном появлении условий его совершения, последний (этап) из которых и выглядит как его «причина». Соответственно, симметричная во времени причинно-следственной паре связка «цель – средства» выглядит как вполне уместная тоже в рамках циклических структур. Систематическое описание именно такого контекста «целесообразной деятельности» имеется в третьей части «Науки Логики» Г.Гегеля – «Учении о понятии».

^{xvii} Эта оговорка исключает прежде всего такие циклические процессы, как последовательное применение метода проб и ошибок, мышление о мышлении. Тем не

менее, описываемая конструкция с начала 1970-х годов уполовинила для меня трудность понимания «Науки Логике» Г. Гегеля. Ее первая часть – «Учение о бытии» – в значительной мере описывает то, что в модели отнесено к предметности нижнего уровня, вторая часть – «Учение о сущности» – логику связей линейных процессов в рамках циклического процесса, а третья – «Учение о понятии» – жизнь самого цикла как целого. Интересно, что для Б. Рассела, философа, математика, логика, именно Гегель был самым трудным автором: «Философия Гегеля очень трудна. Он, я должен сказать, наиболее труден для понимания из всех великих философов» [Рассел 2006: 875]. Ср. у его современника: «En lisant... These parts of the work should be called: a best means for getting a headache (При чтении... Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли)» [Ленин: 158].

^{xviii} Экономисты, особенно марксистского направления, называют нечто в этом роде, соответственно, расширенным, суженным и простым воспроизводством. Однако обычно при этом подразумевается главным образом воспроизводство экономических благ. Во избежание таких ассоциаций я постараюсь как можно реже использовать эти словосочетания при рассмотрении более общих конструкций.

^{xix} Строго говоря, эта величина достаточно точно может быть определена только как минимальная. Нет ведь никаких логических оснований считать, что момент окончания одного линейного процесса автоматически становится моментом начала следующего. Для такого состояния цикла (прерванности существования, «простое») существуют специальные названия в разных конкретных областях (например, анабиоз?), однако здесь оно нас не интересует.

^{xx} Этимология термина «процент», усваиваемая на арифметических примерах чуть ли не в начальной школе – это *часть целого*, измеряемая величиной его сотых долей. А в случае «процента на капитал» ни о каких «частях целого» нет речи. Сравниваются две целые величины, существующие в разное время.

^{xxi} Может быть, стоит обратить особое внимание коллег-экономистов на то, что сказанное здесь не имеет прямого отношения к «деловым циклам». В данной конструкции они отражаются как регулярные (или не очень) изменения интенсивности «бытия» предметов циклической «конструкции».

^{xxii} См., например: «Выше было показано, что временное предпочтение является категорией, присущей любому человеческому действию. Временное предпочтение проявляет себя в феномене первоначального процента, т.е. скидки на будущие блага по сравнению с настоящими» [Мизес 2000: 489].

^{xxiii} Первая при этом находится в относительной форме, говоря языком К. Маркса, а вторая – в эквивалентной. Мы сейчас не будем задаваться вопросом, насколько применима лежащая в основе этих измерений парадигма чувственной предметности к измерениям сверхчувственной предметности – ценности/стоимости (value, Wert).

^{xxiv} Собственно говоря, цепные индексы именно так и устроены. Экономисты-практики хорошо знают, какой головной болью при расчетах темпов к базовому году являются структурные изменения ВВП, особенно высокие в инновационно активной экономике.

^{xxv} По-видимому, как «отзвук» этого прошлого, не вполне адекватно рефлектируемый в современном рикардизме, можно воспринимать и «зерновую модель», так или иначе связанную с именами Ф. Кенэ, В. Дмитриева, П. Сраффы.

^{xxvi} Хочу также обратить внимание на то, что эта конструкция – не иерархическая структура стандартного «системного анализа», но также и далеко не «ризома» в том виде, в котором этот концепт используется в постмодернизме после появления в 1976г. работы «Rhizome» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. М.б., точнее всего она описывается словосочетанием «нераздельны и неслиянны», широко применяемым в теологии.

^{xxvii} Выражение «золотой телец», имеющее отношение и к жизни современного глобального капитала, находится в самом прямом родстве с фетишами-тотемами (как

правило, животными), чувственная предметность которых символизировала бытие сверхчувственной предметности жизни тотемической общности, воспроизводящейся практически независимо от других за исключением обмена генетическим материалом. Периодическое принесение его в жертву, вкушаемую членами тотема, было способом снять отчуждение жизней индивидов от жизни того, что для них выступало как целое, поддержать чувство причастности.

^{xxviii} За счет соединения в одной позиции запасов на начало и конец периода, «вычитания» из обеих частей балансового уравнения «промежуточных» благ и замены показателей экспорта и импорта одной величиной.

^{xxix} Для зерна именно этот уровень соотношения затрат и результатов оказался достаточным для выживания средневековой Европы.

^{xxx} По-видимому, традиционные мировые религии центрированы на конкретных людях, а не на человеческом роде как специфической предметности, а известная формула: «думай глобально, действуй локально» пока остается скорее благим пожеланием, утопией, чем реальным руководством к действию в конкретной экономической жизни в сколько-нибудь заметных масштабах. Я думаю, можно без большого насилия над здравым смыслом сказать, что социальная жизнь людей, организуемая через государства-территории, имеет как бы растительный характер («коренное население»), а экономическая жизнь, особенно рыночно-организованная, – животный («как потопашь, так и полопашь»). Пара «растения – животные» во многом может рассматриваться как модельная для пары «государства – фирмы», а также для пары «оседлые – кочевники» с той существенной разницей, что культура оседлых жителей, гораздо более окруженная вещами, сделанными людьми, считается более развитой. Обычно именно она осваивается пришлыми кочевниками, а не наоборот.

^{xxxi} Я бы предложил равняться на физиков, которые уже несколько веков с большой пользой – эвристической и прикладной – блюдут верность закону сохранения, который с появлением формулы Эйнштейна, похоже, тоже стал сверхчувственным. Что (или Кто?) неизменно сохраняется, когда взаимосвязано изменяются количества материи и энергии?

^{xxxii} Я бы рискнул предположить большее: указанное общее свойство нуклонов (и образуемых ими атомов) и человека как *индивида* – занимать *собственную часть* пространства – является онтологической основой *частной собственности*, а не просто случайной игрой слов.

^{xxxiii} Людям свойственно судить людей, а не животных, не говоря уже о неодушевленных предметах: убивает не пуля, а тот, кто стрелял.

^{xxxiv} Вряд ли нам удастся когда либо узнать, как оно с этого всеобщего уровня «попадает» на единичный – отдельного человека (и «попадает» ли или изначально «присутствует»). Для этого в рамках стандартной логики познания надо встать в позицию «off line» по отношению к Вселенной. Философы иногда пытаются это сделать.